

УДК 39; 390

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-3-567-584

Образы женщины в традиционной культуре северян и советском официозе второй половины 30-х годов

А. Г. Киселев

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
kiselev1954@mail.ru*

Н. А. Молданова

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
nmoldanova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: одним из важнейших направлений культурной революции, создания нового советского человека была политика вовлечения женщины в социалистические преобразования. На национальных окраинах Советского государства эта политика имела свою специфику. В контексте женского дискурса проблемой является определение ценностной основы советизации женщины аборигенки.

Цель статьи заключается в том, чтобы дать сравнительную характеристику идеальных образов традиционной и советской женщины, официозных представлений об аборигенке и, исходя из этого, определить пути её культурного перехода от традиции к советскому модерну, пути предписываемые идеологией.

Материалы исследования: источниками работы послужили:

- 1) Омская и центральная партийная печать второй половины 30-х гг.
- 2) Источники личного происхождения – личные песни обских угров и самодийцев 30-х гг., презентующие реакции традиционной культуры на советизм, результаты восприятия традиционным сознанием советских ценностей. В качестве методологического подхода в статье использована концепция дискурса.

Результаты и научная новизна: анализ образов женщины традиционной культуры и советского официоза предвоенной эпохи позволил выявить непреодолимые различия между ними. Преодоление разрыва на ценностном уровне официозом предполагалось путём: отказа от тех традиций, которые, с точки зрения русской культуры, считались для женщины унижительными; изъятия детей из семьи, их обучения и воспитания в интернатах; ликвидации неграмотности и развития образования; борьбы за современную гигиену; «коренизации» – привлечения женщины к управлению.

Так советский северный нарратив, включая и перерабатывая истории женщин северянок, интерпретировал и критиковал традиционный образ, звал женщину к разрыву, выходу за пределы «вековечного» мира в строящийся мир советского модерна.

Ключевые слова: образ женщины, гендер, традиционная культура, советский модерн, официоз.

Благодарности: Авторы благодарны за интеллектуальную щедрость, ценные сведения о традиционной культуре обских угров научным сотрудникам Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок Светлане Алексеевне Поповой, Татьяне Владимировне Волдиной, Виктории Ивановне Сподиной, руководителю школы Медвежьих игрищ Окружного дома народного творчества ХМАО – Югры Тимофею Алексеевичу Молданову, а также омскому краеведу Александру Матвеевичу Лосунову, оказавшему помощь в сборе необходимых материалов.

Для цитирования: Киселев А. Г., Молданова Н. А. Образы женщины в традиционной культуре северян и советском официозе второй половины 30-х годов // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 567–584.

Images of a woman in traditional culture of the northerners and in the Soviet officialdom in the second half of the 30s

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kiselev1954@mail.ru*

N. A. Moldanova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
nmoldanova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the policy of involvement of women in the socialist transformations was one of the most important directions of the cultural revolution and creation of a new Soviet man. On the national outskirts of the Soviet state this policy had its own specifics. In the context of women's discourse, the problem is the definition of the value basis of the Sovietization of aboriginal women.

Objective: to give a comparative description of ideal images of traditional and Soviet women, official representations about aboriginal women and, on this basis, to determine the ways of cultural transition from the tradition to the Soviet modernism, the ways prescribed by ideology.

Research materials:

- 1) Omsk and Central party press of the second half of the 30s.
- 2) The sources of personal origin – personal songs of the Ob Ugrians and Samoyeds of the 30s, in contrast to the sources of the first and second groups, presenting the reaction of traditional culture to the Sovietism, the results of the perception of traditional of Soviet values. The article uses the conception of discourse as a methodological approach.

Materials and methods: sources of work were:

- 1) Omsk and Central party seal of the second half of the 30s.
- 2) the Sources of personal origin – personal songs of the Ob Ugrians and Samoyeds 30s, in contrast to the sources of the first and second groups, presenting the reaction of traditional culture to the Sovietism, the results of the perception of traditional Soviet values. The article uses the concept of discourse as a methodological approach.

Results and novelty of the research: the analysis of images of a woman of traditional culture and the Soviet officialdom of the pre-war era revealed insurmountable differences between them. Bridging the gap on the value-level officialdom was proposed by: rejection of those traditions which, from the point of view of Russian culture, were humiliating for women; removal of children from families and their education in boarding schools; the elimination of illiteracy and development of education; the struggle for modern hygiene; “indigenization” as bringing women to the management.

In that way the Soviet Northern narrative, including and processing the history of women of the North, interpreted and criticized the traditional image, called a woman to break up, to go beyond the “everlasting” world in the world of Soviet modernity.

Key words: image of a woman, gender, traditional culture, Soviet modernism, officialdom.

Acknowledgments: the authors are grateful for the intellectual generosity, valuable information about traditional culture of the Ob Ugrians to the researchers of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development Svetlana Alekseevna Popova, Tatyana Vladimirovna Voldina, Victoria Ivanovna Spodina, the Head of school of the Bear's Games of the Okrug House of Folk Art of KhMAO – Yugra – Timofey Alekseevich Moldanov, as well as Omsk local historian Aleksander Matveevich Losunov, who assisted in collecting of the necessary materials.

For citation: Kiselyov A. G., Moldanova N. A. Images of a woman in traditional culture of the northerners and in the Soviet officialdom in the second half of the 30s // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2018; 8(3): 567–584.

Введение

Одним из важнейших направлений культурной революции, создания нового советского человека была политика вовлечения в социалистические преобразования женщины. К середине 30-х гг. эта политика корректируется, её революционный характер власти пытаются сочетать с традиционными семейными ценностями. На национальных окраинах Советского государства эта политика сопрягается с курсом на развитие культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию». К 1937 г. – трагическому году советской истории, году «большого террора», 20-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и «5-летнему юбилею» национальных округов западносибирского Севера эта политика вполне обнаруживает себя как часть северного женского дискурса. В этом контексте проблемой является определение ценностной основы советизации женщины аборигенки.

Цель статьи заключается в том, чтобы дать характеристику идеальных образов традиционной и советской женщины, официозных представлений об аборигенке, а также представлений о путях возможного культурного перехода последней от традиции к советскому модерну.

Обзор литературы. Поставленные задачи побуждают нас обратиться к широкому кругу литературы, которую условно можно подразделить на 4 группы.

1) Труды, посвящённые северным репрезентациям советской эпохи. Это фундаментальная монография Ю. Слёзкина [55], показавшего феномен столкновения культур в ходе «большого путешествия народов Севера к коммунизму», а также работы Е. В. Переваловой, разрабатывающей проблему восприятия революционных преобразований аборигенами и проблему этнических элит [39; 40; 41; 42].

2) Исследования, освещающие «женский вопрос» в советской политике, идеологии, практиках советизации 30-х гг. Назовём авторов и работы, показавшихся нам наиболее содержательными. О феномене советской женщины, её положении и репрезентациях, в том числе применительно к национальным республикам и регионам, писали С. Г. Айвазова [1], В. А. Каменева [15], Л. Л. Рыбцова

[52], З. М. Усманова [64], А. Д. Дашиева [8], И. Н. Дашибалова [7], С. Келли [66] и др. Образы женщины в печати, в литературе, искусстве, фольклоре нашли отражение в работах Е. А. Морозовой [30; 31], С. А. Смагиной [56], А. И. Куляпина [21], Е. Б. Мезенцевой [26], Г. А. Брандт [2] и др. Отдельно следует упомянуть работы авторов историко-культурного Палгрейвского гендерного справочника по России и Советскому Союзу XX века под редакцией Мелани Илич [70].

Следует отметить также труды Т. Дашковой и М. В. Тлостановой. Т. Дашкова – автор серии исследований канонических образов советской женщины в её взаимоотношениях с мужчиной, семьей, социумом, государством, представленных в искусстве, прежде всего, кинематографе 30-х гг. Отличительной чертой её работ является обстоятельный разбор методологии и методики исследования гендерных образов, объяснение того, как проблематизируются и изучаются новые для нашей историографии темы [9; 10; 11].

В фундаментальной монографии М. В. Тлостановой, также весьма основательной в методологическом отношении, представлен женский дискурс во взаимосвязи с дискурсами этноса и расы довоенной советской эпохи. Книга замечательна и «высокой планкой» анализа – исследуется эпистемология названного дискурса, и широтой исторических параллелей, и, наконец, известной полемичностью, приглашающей к продолжению изучения проблем [63].

3) Этнологические исследования традиционных женских образов, места и роли женщины в традиционном социуме представлены в работах А. В. Головнёва [5], М. А. Лапиной [22], С. А. Поповой [43; 44; 45; 46], Т. А. Молдановой [29], В. А. Сподиной [58; 59; 60; 61; 62], Л. В. Кириповой [17], С. А. Сорокиной [57] и др.

4) Работы, связанные с теорией, концепциями гендера. Отдельно отметим монографию В. В. Макарова и И. В. Василенко [24].

Материалы и методы

Источниками работы послужили:

1) газеты «Правда», «Омская правда», «Остяко-Вогульская правда», ямальский

«Красный север». Каждое из изданий интересно и как комплексный текст и своими отдельными материалами. Прежде всего, исследовались заголовки, тематика и структура статейных материалов, их лексика. Для анализа отобраны 8-ми мартовские номера второй половины 30-х гг.

2) Источники личного происхождения – личные песни обских угров и самодийцев 30-х гг. презентуют реакции традиционной культуры на советизм, результаты восприятия традиционным сознанием современных советских ценностей. На это значение песен обратили внимание Е. В. Первалова [39], С. А. Попова [43] и О. Д. Ерныхова [14]. Нами взяты отдельные довоенные песни из современных песенных сборников [25; 47; 53].

Использованы общенаучные методы описания и анализа. В качестве методологического подхода в статье использована концепция дискурса, как самовыражения социокультурной реальности, и, в то же время, как сила, способная эту реальность переделать [48; 51; 54].

Вслед за Т. Дашковой представляется важным определиться с основными понятиями, использованными в работе. Под официозом понимается идеология. Она транслируется, прежде всего, партийной печатью и, во вторую очередь, литературой и искусством, кинематографом. В искусстве идеологические нормы, во-первых, устанавливаются не автоматически, не сразу, а, во вторых, подвергаются художественной «транскрипции» и потому не всегда и совсем не обязательно выступают в законченном «чистом» виде [11, 35; 18, 9].

Результаты

Образы женщины традиционной культуры и советского официоза предвоенной эпохи достаточно полно представлены в вышеназванной литературе. Мать, хозяйка, труженица, в официозе еще и активная гражданка, имеющая право и способная управлять государством... На первый взгляд между двумя образами немало общего, особенно учитывая известный консервативный поворот советской политики, обстоятельно проанализированный Г. Лапидус и фиксируемый другими исследователями советского гендера [68, 110–119; 1, 45–49; 66, 241–242].

Но так ли это? Ответим на этот вопрос сравнительным анализом двух образов по отмеченным признакам: материнство, труд, общественная активность.

1. В рамках традиционной культуры в отношении к женщине наряду с мастеровитостью хозяйки высоко ценились, прежде всего, такие её качества как материнство и плодовитость [42, 86]. Рождение ребенка, по поверьям обских угров, происходило с участием верховной богини Калтац. Она вселяла души в новорожденных. С рождением первенца изменялся социальный статус женщины, отражённый в языке: *няврамынг нэ/няврэмдэ нэ* – ‘ребёнка имеющая женщина’ (манс./хант). В. И. Сподина приводит хантыйские свадебные пожелания молодым: «как большое стадо оленей, плодитесь и растите». Бесплодие женщины, – отмечают современные исследователи, – считалось не только личной, но и общественной трагедией, и рассматривалось как нарушение ритма жизни. Хантыйский фольклор содержит сюжеты, в которых за нарушение норм морали люди наказывались бездетностью, а за добрые поступки награждались ребёнком [22, 57; 42, 95; 60, 77; 62, 99].

Женщине отводилась решающая роль и в воспитании детей [50, 11–12; 57, 19]. «От того, что женщина серьёзная (терпеливая, выдержанная) дети её, как и положено детям, растут (не балуются, не дерутся)... Мужчина (охотник) – он с улицы приходящий гость, женщина детей растит сердечно (ласково, терпеливо)», – цитирует своих информантов В. И. Сподина [62, 237].

При этом специалисты свидетельствуют о ранней гендерной дифференциации воспитания детей [29; 17, 29–30; 60, 82]. В подростковом возрасте мальчики уходят из-под материнской опеки, приобщаясь к мужской сфере жизнедеятельности [46, 183].

Характеризуя взаимоотношения супругов в традиционной семье, исследователи обращают внимание на разделение пространства на «мужское» и «женское». «Мир женщины» с его духовными ценностями и табу не пересекался с «миром мужчины» [5, 212–219; 22, 46–50]. При том, что в семейном хозяйстве в то же время могла существовать и известная взаимозаменяемость, женщине случалось не только домовничать, но и рыбачить и охотиться [20, 18; 22, 50–51].

В разделении миров, в распределении пространства по принципу «почётный – менее почётный»/«мужское – женское» современные исследователи видят основу гармонии традиционной семьи [22, 46–47]. Средством её поддержания является обычай избегания – своеобразная профилактика случайных кровосмесительных связей, обычай, соблюдение которого считалось проявлением уважения женщины к родственникам мужа и к самой себе [22, 48; 42, 91; 44, 170].

Личные, любовные переживания женщины северянки нашли отражение в личной песне. С. А. Попова так определяет её основные образы: женская доля, любовь, сватовство, тяжёлая жизнь с нелюбимым мужем. «Женщина – хозяйка дома, хранительница семейного очага, на ней лежит забота о пище, об одежде. Много песен посвящено главной женской ценности – детям, в которых женщины не скупятся на всевозможные поэтические сравнения...» [43, 218–219].

Важной особенностью материнства традиционной культуры обских угров и самодийцев было наличие у ребёнка социальных родителей, в том числе «матерей». *Пукан аңки* принимала непосредственное участие в процессе рождения ребёнка, *алтум аңки* вносила колыбель с новорожденным в «большой» дом. Свою роль играли *пярна аңки* и *пярна ащи* (здесь и далее используются только хантыйские примеры – авт.), которые назначались или сами могли вызваться стать крестными для ребёнка. «Матери» принимали самое активное участие в воспитании ребёнка, дарили подарки, ходили в гости к «дочери» или «сыну», часто между ними устанавливалась тесная связь [22, 58–59; 60, 70–71].

Важное, хотя далеко не первое, место занимало материнство и в системе советских женских ценностей. В 8-ми мартовских постановлениях ЦК ВКП(б) 1936, 1937 гг., постановлении президиума ВЦСПС 1937 г. о нём вообще не упоминалось. В официальных документах и передовицах «Правды» 1938–1940 гг. такое упоминание фактически подчинялось теме заботы партии и государства о матери и ребёнке, и тяжёлого положения женщины в странах капитала. При этом материнский мотив появлялся в газетных текстах обычно после констатации роста гражданской активности, успешного овладения новыми

профессиями, работы женщин в органах власти и управления, участия в социалистическом соревновании, службе в вооружённых силах. Характерной представляется оговорка в «Рассказе о любимой», где муж, перечисляя достоинства жены, в самом конце замечает: «Не забывает она и семью. Ребята растут хорошие, развитые, бойкие» [32].

Сама тема материнства, семьи нечасто привлекала внимание партийной печати. При этом раскрывалась она своеобразно. «Омская правда», регулярно публиковавшая соответствующие материалы, обращала внимание на проблему обезболивания родов, ставшую актуальной в связи с запретом аборт в 1936 г. (газета назвала обезболивание «расцветом пролетарского социалистического гуманизма»), рассказывала о материнской гордости за призванных в армию сыновей, широко использовала параллели «прежде и теперь», «в СССР и странах капитала», помещала фотографии матери и ребёнка [33; 34; 35; 36]. Последние, распространённые в советских журналах, по оценке Т. Дашковой, символизировали материнство, продолжение жизни, изобилие, процветание «счастливое детство», «семейное благополучие» [9].

Не часто встречались образы матери и дитя и в кинематографе 30-х гг. Некоторое время дети де факто виделись официозу как помеха для трудовой и общественной жизни женщины [11, 55–57; 30, 425]. Поэтому, как отмечает Т. Дашкова, сюжетная функция кино-детей сводилась обычно к проверке чувств потенциальных претендентов на руку и сердце главной героини [11, 87–89].

Муж, глава семейства присутствовал в советском женском дискурсе в двух противоречивых ипостасях: вначале по преимуществу как олицетворение тёмной силы семейного деспотизма, власти над женой и детьми, позднее, в связи с поворотом советской политики к традиционным семейным ценностям, нередко в качестве старшего товарища, учителя и наставника [30, 420–421, 425]. При этом и в конце 30-х гг. первый – негативный – образ мужа нередко появлялся в местных газетах, в том числе на страничках коротеньких женских писем, сетующих на бросивших их без средств к существованию, с детьми мужей [37; 38; 69].

В первом случае со «старорежимным» супругом «женщина официоза» должна была и

становилась ведущей, порывающей со своим прошлым приниженным положением (как в фильме «Бабы») [30, 420–421, 425], стремящейся вывести и мужа на «путь новой жизни», во втором она выступала как «ведомая», «помощница», что на примере мухинского мону-мента хорошо показала Т. Дашкова [9].

Материнство, воспитание детей признавалось не лично-, но государственно значимым. Роль отца семейства замещало государство со своей политикой социальной поддержки материнства (отпуска по беременности, материальная поддержка многодетных матерей, открытие детских яслей и садов и т. п.). Говоря о патернализме, С. Г. Айвазова, Н. Г. Митина связывают его с личностью Вождя с удовольствием игравшего роль «отца народов» [1, 73–76, 77–78; 27, 120]. Эти во многом справедливые оценки, видимо, все же излишне категоричны. По наблюдению Т. Дашковой, весьма распространённым в 30-е гг. были изображения мужчины, женщины и ребёнка в советской живописи, скульптуре, монументальных мозаичных панно [9]. В 8-ми мартовских номерах «Омской правды» второй половины 30-х гг. находим, правда, редкие образы, которые условно можно назвать образами «хороших отцов». Один занимается с детьми во время длительной отлучки матери, находящейся в дальнем лыжном походе, второй читает по вечерам книжки со своей маленькой дочерью [32, 34].

Слабо отражены взаимоотношения супругов и в кинематографе. Т. Дашкова называет фильм «Три товарища», представивший такие сценарии брака, как адюльтер и развод в одной семье, пошатнувшую гармонию и последующее примирение – в другой [11, 120]. В фильме «Две матери», героиня уходит из семьи, полюбив другого, в «Праве на женщину» – из-за препятствий супруга её образованию. В обоих случаях ребёнок, которого матери забирали с собой, умирал. Умирает ребёнок и в знаменитой «несоветской» пьесе А. Н. Арбузова «Таня». Героиня, для которой любовь высшая ценность, решила посвятить себя семье, и была «наказана» самым страшным для женщины образом. Любимый её бросал, увлекшись социально активной подругой, а сын умирал, поскольку Таня – бывший врач – в критический момент, когда надо спасать больного ребёнка, не могла вспомнить

необходимых средств лечения [2, 106]. Не получалось «маленького личного счастья» и у других героинь кино («Одна», «Любовь»). Так или иначе, женщина оказывалась втянутой в коллизии жизни общества локального и (или) «большого».

Своеобразие советского киноизображения взаимоотношений мужчины и женщины заключалось в том, что на традиционную любовную линию накладывался сюжет трудового становления, любовная линия постепенно перекодировалась в трудовую, нередко с соревновательным оттенком («Богатая невеста», «Волга, Волга», «Трактористы»). Развитие любовных отношений происходило параллельно с повышением социального статуса героев [11, 82–83; 13, 37; 30, 424–425]. «Тенденция перевода любовного плана в социально-политический достигнет совершенства к концу 30-х», – отмечает Т. Дашкова [11, 98].

Аналогичным образом идеологизировалась тема любви и в массовой песне 30-х гг. По оценке И. В. Куклина, «в ней были очень важны эротические и семейные эмоции – в первую очередь привязанность к любимой/любимому или к матери. Но в текстах постоянно подчеркивалось, что и невеста, и мать, оставаясь сами собой, одновременно олицетворяют родину <...>» [19, 12]. Женская сексуальность находилась под негласным запретом и обнаруживалась либо в иносказательных формах в кинематографе, либо парадоксальным образом в изображениях женщин в военных мундирах. Военный мундир акцентировал женственность, подчеркивая фигуру [11, 99; 31, 343, 344].

2. Труд, трудолюбие. В традиционной культуре обских угров исследователи отмечают несколько характерных черт женского труда. В. И. Сподина, всесторонне исследовавшая вопрос, пишет о «полихронности» культуры (по Э. Холлу) труда женщины (в отличие от «монокронности» культуры труда мужчины), которая часто делает одновременно сразу несколько дел. «Пока кипит чай, она собирает постели, поднимает и одевает детей, пока варится котёл с мясом – колет дрова, носит воду, штопает дырочки на одежде, рассказывает детям сказки» [59, 23–24]. Даже идя в лес за ягодой, женщины нередко сучили на ходу нитки [20, 18].

Насыщенность, дефицит времени требовали подвижности, проворности в работе. Трудолюбивая женщина у шурышкарских ханты бойкая, шустрая, расторопная, «на одном месте не сидит ни минуты» [62, 253]. Информанты В. И. Сподиной свидетельствуют о большей, в сравнении с мужчинами, частотности употребления женщинами наречий со значением «быстро» [59, 22], что вполне коррелирует с известными оценками особенностей женского языка, как такового [3, 66–67].

Быстрота отнюдь не равнялась суетливости, наряду с ней в работе, прежде всего, в традиционных домашних занятиях – выделке шкур и кожи, шитье – требовалось мастерство [59, 23–24; 62, 254]. «Про мастеровитость женщины, – отмечает В. И. Сподина, – судили по умению «обращаться с иглой и напёрстком», «шить одежду из звериных шкур». Не случайно хантыйская *Сорнян эви* (каз. хант.) – «Золотая девочка» – рукодельница, мастерица, «мелкий ее стежок» [62, 255].

Представляется возможным назвать и ещё одну черту традиционного женского труда – его «домоцентричность». Это работа на семью, у очага, у дома, в хорошо знакомых местах. Показательно в этом отношении, например, распространение топонимов с корнем «дом» в бассейне р. Казым, отмеченное Т. Н. Дмитриевой и связываемое исследовательницей с «присвоением», «одомашниванием» пространства [12, 237–240]. Характерна и связь женщины-хозяйки с домашними духами [23, 98, 107].

Советская идеология признавала труд на благо общества «обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина» [18], имея в виду наравне и мужчину, и женщину. В официозе статус «новой советской женщины» определялся её способностью хорошо работать на государственном предприятии [8, 15–16; 15, 102–103].

Активное участие женщины в общественном производстве в партийных документах и печати всегда выносилось на первый план. «Не тупой, изнуряющий и бессмысленный труд в пределах кухни и «домашнего очага», а радостный и свободный труд – удел и счастье советской женщины», – утверждала передовица «Омской правды» 8 марта 1937 г. «Право на особое внимание и почёт, которыми наша страна окружает женщину, завоевано

ею сознательным трудом творца новой жизни человечества», – начиналась передовица праздничной «Правды» 1936 г. Заканчивалась она так: «Сегодня же, в день своего народного праздника, трудящаяся женщина социалистической родины рапортует партии, правительству, товарищу Сталину: – К труду и обороне готова!». По наблюдению Е. А. Мезенцевой, женский труд в СССР подавался официозом не как рационально-прагматический (ради заработка), а как ценностно-рациональный, как труд на благо страны. Не случайно заработки женщин были меньше мужских, зато женщин, награждённых за трудовые успехи, партийная печать показывала не реже, а то и чаще мужчин [26, 116]

Наибольшая часть «женских» публикаций, не считая материалов обобщающего характера, в «Омской правде», северных окружных газетах второй половины 30-х гг. приходилась на темы о профессиях и участии в социалистическом соревновании. Среди официально рекламируемых профессий широкое освещение получили новые для женщин, изначально «мужские», прежде всего связанные с освоением техники [8, 16; 11, 55]. «Омская правда» 1936 г. называла 4 таких профессии: железнодорожник, летчик, речник, охотник. В 1937 г. в газете фигурировали уже 11 профессий: слесарь, тракторист, комбайнер, формовщик, прессовщик, инженер, шофер, капитан речного судна, агроном, кино-механик, милиционер. «На любом участке народного хозяйства, культуры, науки, искусства – всюду свободная советская женщина рядом с мужчиной, наравне с ним творит большие дела, двигает вперед дело социализма», – писала «Правда» [49]. «Нет такой отрасли народного хозяйства, нет такой профессии, нет такой области государственной деятельности в нашей стране, где бы ни работали девушки, показывая чудеса героизма, образцы социалистического труда», – вторила центральному органу партии омская газета [35].

Акцент на освоение новых профессий делал актуальной тему образования. Советская женщина, девушка, представляемая в партийной печати, искусстве практически всегда учится: «ликвидирует неграмотность», посещает различные курсы, много читает, является студенткой, специалистом, учёным.

Особое место в профессиональной теме занимали военные. Военный мотив «женских

материалов», хотя и звучал только время от времени, опирался на огромный массив публикаций о международных отношениях и внешней политике, напрямую перекликался с публикациями, посвящёнными гражданской войне в Испании и Китае и участию в них трудящихся женщин. Возможно, случайно, но весьма характерно выглядят галереи групповых 8-ми мартовских фотографий в «Правде» – женщины, так или иначе связанные с военным делом, все чаще становились героинями дня.

Профессиональная тема, обычно перекликавшаяся с темой общественного переустройства, личностного роста поддерживалась и кинематографом. Достаточно назвать такие фильмы 30-х гг., как «Наши девушки», «Не задерживайте движения» (1930 г.), «На этом свете/Крупная мелочь» (1931 г.), «Женщина», «Золотые руки/Неласковый дом/Домохозяйка» (1932 г.), «Трактористы», «Член правительства» (1939 г.), «Бабы» (1940 г.) [15].

Разбирая фильм «Женщина», С. А. Смагина оценивает его как историю о становлении «новой женственности как двигателе прогресса, в сущности, приравненной к трактору, который надо заслужить, получить, изучить и обуздать» [56, 171]. Представляется уместным привести и суждение одного из современных кинозрителей о фильме «Бабы»: «Замечательный фильм о том, как женщины обретают чувство собственного достоинства и контроль над собственными жизнями. Очень оптимистичный и вдохновляющий... Сильные, мудрые, храбрые женщины, сумевшие распрямиться, перестать давать себя гнобить, ругать, позорить беспутным мужьям, сумевшие дать пример достойной жизни» [16].

В несколько более сложной форме темы любви-труда-личностного роста развивались и в советской художественной литературе [28, 557].

3. Общественное положение женщины в традиционной культуре определялось её положением в семье, в роде [24, 71–72]. Общество северных аборигенов, бесспорно, было мужским обществом. Мужчина был добытчиком и кормильцем, защитником, а потому и главой семьи [4, 130–131]. Однако, попадая из внешнего мира в дом, он сталкивался с закрытым для него «миром женщины», в котором не имел власти. Женщина не указывала мужу,

как ему промышлять зверя или управляться с оленями, но и мужчина не указывал женщине, как ей вести дом. Личностная самореализация каждого осуществлялась через свои собственные роли.

Автономность жизнеобеспечивающих функций матери и хозяйки дополнялась известной экономической независимостью женщины, признаваемой собственницей своего приданного. Налицо была и автономность духовного порядка – собственная система, духов и обрядов. Шаманом мог быть не только мужчина: *щъртәу ики (хө)* – ‘умеющий гадать, предсказывать мужчина’ (хант.), но и женщина: *щъртәу ими (не)* – умеющая гадать, предсказывать женщина’ (хант.). Известны и исключительные факты столкновения мужчины и женщины по такому вопросу, сакрального свойства, как согласие/несогласие на крещение. По свидетельству православных миссионеров начала XX в. nenки могли отказываться от крещения, невзирая на пример и увещевания мужей [23, 117–118].

Советский официоз второй половины 30-х гг. определял положение женщины в обществе, прежде всего, как правовое равноправие (пропаганда новой конституции была актуальной задачей для партийной печати) и равноправие, так сказать, реальное, фактически существующее, обеспеченное широким участием женщины в «социалистическом строительстве». Публикации, посвящённые женщинам активисткам, регулярно появлявшиеся в 8-ми мартовских номерах, занимали заметное место в партийной печати. Не были исключением и омские газеты «Омская правда» и «Красный север». Вот некоторые заголовки: «Женщины Омской области в составе правительства», «Тысячи передовых работниц Советской страны выдвигаются на руководящую работу» (1935), «Женщины – активнейшие депутаты Советов» (1936), «Активистка Салехарда», «Общественницы» (1937), «Избранницы народа», «Успехи общественниц комбината» (1939), «Женщины избранники народа», «Женщины члены правительства», «Женщины в Советах» (1940). Как уже отмечалось, звучала тема общественной активности и в кинематографе. Эти истории борьбы и обретения женщиной нового, более высокого социального статуса, её личностного роста подчинялись главному принципу советской

женской политики – политики декларируемого равенства мужчины и женщины.

Итак, нами представлены характеристики важных сторон двух образов женщины – традиционного и предвоенного советского. Обобщим их:

1) Материнство, дети органичны женской традиционной культуре, чего нельзя уверенно сказать о советском официозе 30-х гг. В 20-е гг. вполне в феминистском духе дети нередко рассматривались как помеха для восхождения женщины по социальной лестнице [1, 75; 24, 33], и следы этого подхода исчезли не сразу, были заметны и в предвоенное время. Проявлением «неорганичности» было и законодательство об абортах.

2) Труд в традиционной культуре распределён между полами «естественным» образом, и степень отчуждения женщины от самого рабочего процесса и его результатов ничтожна. Напротив, женщина советского официоза, трудясь на «благо общества», должна была осваивать мужские профессии, проявлять специфически мужские качества. Женский труд на стойбище очень тяжёл, но он и воспринимается в аборигенной культуре, как женский. Советский официоз требовал от женщины мужества [43, 220]. Личностный рост, таким образом, зачастую отождествлялся с отказом от «женского».

3) Общественное положение женщины в системах двух образов также выглядит по-разному. Традиционная женщина выступает как социальный интроверт, реализующий себя в детях, семье, роде. Советская женщина – социальный экстраверт, она реализует себя через «внешние» институты (новые профессии, общественную активность и т. п.).

Налицо, таким образом, органичность/неорганичность – традиции, с одной стороны и официоза, с другой. Традиция органична по определению. Она утрачивает органичность только в периоды бурного накопления новаций. Неорганичность советской женской культуры, как показывает Л. Л. Рыбцова, проистекала из глубинной перестройки всего общественного порядка. Общество было не готово к массовому вовлечению женщин в производство и образование. Это – явления «поздне-индустриальной» эпохи, тогда как предвоенный СССР находился на ранней стадии индустриализации. Общество, государство не могли ещё

обеспечить освобождение женщины от занятости домашним бытом. Эта последняя тема развита, в частности, в работе Алиссы Клоц [67]. В результате советская женщина осталась в подчинённом положении, правда, не столько в отношении мужчины, «как прежде», сколько в отношении государства [52, 157].

Эту дисгармонию официального женского образа ярко выразил – за пределами официального дискурса – политический анекдот 30-х гг. Его исследователь Дж. Ватерлоу выводит обобщающий анекдотический образ советской женщины, держащей молот одной и ребёнка (а лучше не одного) другой рукою [71].

В силу этого уместно говорить и о целостности/расщепленности двух образов. Единство традиционного образа, в котором все названные признаки гармонично соединяются, контрастирует с внутренней конфликтностью образа советского, в рамках которого оказывается трудным совместить следование идеалу и личное, семейное счастье. Отсюда и парадокс оседлости/кочевания. Аборигенная женщина была привязана к семье и дому и в этом смысле была «социально оседлой», тогда как женщина советского официоза должна была обновлять собственные социальные статусы и роли, демонстрируя образцы «социального кочевания».

Показанные выше образы женщины – традиционный и советский – описывались разными языками. Это были язык мифа, фольклора, предания, с одной стороны и нового идеологизированного мифа, язык прямой агитации и пропаганды, литературы и искусства (идеологически скроенных, но «осложненных тем или иным вмешательством поэта» [19, 9]), с другой. Разными были и способы трансляции. Аборигенная культура «молчалива» в том смысле, что передается, научает не столько словом, сколько примером – она базируется на том, что было и есть, на традиции, ориентирована на *сохранение*. Советский официоз, напротив, воспевал *перемены*, звал в будущее, идеалы которого не были общепринятыми, очевидными, нуждались в пропаганде.

Наконец, традиционная культура и официоз занимали различные места в соответствующих контентях. Традиционная женщина – была частью Вечного мира, Космоса, советская – частью модернизирующегося социума. Традиционный образ некогда органично сложился, советский – конструировался сегодня.

Могли ли столь различные образы существовать и взаимодействовать в рамках одного женского дискурса? Отрицательный ответ представляется очевидным. Однако очевидность не всегда истинность. Можно предполагать, что эти образы сосуществовали не только в «параллельных мирах». Наступление советизма на Север, постепенное разложение и разрушение традиционного уклада, первые признаки маргинализации в традиционных сообществах стали, так сказать, материальной основой включения аборигенки в советский женский дискурс. Но войти в него как женщина традиционного общества она не могла. И сама она не была готова к такого рода коммуникации, и советский официоз не готов был воспринимать её в таком качестве и в силу общего невысокого уровня собственной культуры, и по идеологическим соображениям. Так появился ещё один образ – официальный образ аборигенной женщины (на тогдашнем языке – «националки»). Это была своеобразная матрёшка: от того, что внутри, того, что «прежде» происходил отказ в пользу нового облика, в пользу «теперь». Исследователи отмечают особенности этого образа: нагруженность элементами «экзотизации», наличие известной расизации [63, 227–228, 235–258, 262; 65], постоянные упоминания об «отсталости», своеобразное сочетание пассивности – она должна принять, усвоить советское, и активности – как наиболее угнетённая именно она («суррогатный пролетариат» [63, 233] – много на Севере и не было) должна была сделаться деятельным проводником советизации в тайге и тундре [6, 49–50; 55, 266; 63, 223].

Образ новой, северной аборигенки был широко представлен в партийной печати, как материалами общего характера («Омская правда»: «Женщины Севера» (1939 г.), «Женщины Крайнего Севера» (1940 г.), так и рассказами о судьбах отдельных женщин, в том числе от первого лица («Омская правда»: «Покончено с законом Самая» (1936 г.), «Остяко-Вогульская правда»: «Жить стало лучше и веселей. Рассказ хантэ Лукерыи Зиновьевны» (1936 г.), «Горжусь своей родиной» манси Албиной, «Мой рост» манси Ф. А. Сургучевой, «Я вышла в люди» хантэ Вассы Мазиковой» (1937 г.), «Женщина советской тундры» (1938 г.), «Красный север»: «Делегат возрожденного народа» (1937 г.) и др.).

Личные истории излагались в двух вариантах. В первом, а к нему относится большинство из названных публикаций, история начиналась с более или менее подробной характеристики прошлого. Жизнь была «не веселая, не радостная», «за человека не считали», «кулацкий произвол над женщиной», «насиленно садили в нарту и отправляли на вечное рабство в чум мужа», «работала с малых лет в батраках», «с утра и до поздней ноченьки гнёшь спинушку», «выбивалась из сил», «запугивали и грабили шаманы». Второй вариант содержал лишь упоминание о прошлом либо, если речь шла о совсем молодых женщинах, девушках, повествовал только о настоящем: «пошла учиться», «за хорошую работу меня премировали», «активно участвует в общественной жизни», «редактирует стенгазету»...

Фрагменты лексики личных историй, приведённые выше, безусловно, содержат правду и, прежде всего, правду о том, какой видел и хотел видеть женщину аборигенку советский официоз.

«Раскрепощение» и советизация северянки происходили/должны были происходить путем:

1) отказа от тех традиций, которые, с точки зрения русской культуры, считались для женщины унижительными: «раньше мы все закрывались платком от мужчин», «я первая сняла платок», «по закону Самая [23, 118] женщина считалась нечистой», «не разрешали даже рожать детей в юрте»;

2) изъятия детей из семьи, их обучения и воспитания в интернатах; в газетах нагруженная соответствующим образом лексика встречается редко, в известной степени её замещала лексика, иллюстрирующая распространение просвещения и заботу государства о матерях и детях: «провела большую работу по вербовке детей в школу», «имеем школу, детский сад, ясли»;

3) борьбы за современную гигиену: «в чуме у нас было грязно и холодно», «боремся за культуру в нашем быту», «перешли жить в чистые юрты», «культпоходы за чистоту чумов», «чтоб они жили чисто, культурно, ходили бы в баню, ребят мыли»;

4) ликвидации неграмотности и развития образования: «была неграмотной и забитой», «учусь в совпартшколе», «научилась читать и писать», «училась с радостью и старанием», «есть пункт ликбеза», «есть школы, где

ненцы учатся на русском и на родном ненецком языке»;

5) «коренизации» – привлечения женщины к управлению в общественных делах, в колхозах, на производстве, в советах и т. п.: «быстро и хорошо научилась разбираться в политике партии и советской власти», «вступила кандидатом в ВКП(б)», «было ли видано, чтобы женщина управляла государством».

Так советский северный нарратив, включая и перерабатывая истории женщин северянок, интерпретировал и критиковал традиционный образ, звал женщину к разрыву, выходу за пределы «вековечного» мира в строящийся мир советского модерна. Эти интерпретация, критика и призывы, ориенталистские по своему характеру, адресовались в 30-е гг. не только северянке, но и в целом женщине нерусских окраин. Применительно к «женщине Востока» тема нашла яркое воплощение в советском кинематографе [64, 284–285] («Встреча», 1930, «Исмет», 1934, «Алмас», 1936, «Дурсун», «Райхан», 1940).

Обсуждение и заключение

Тема судьбы женщины традиционной культуры на Севере в 30-е гг. не может быть решена в рамках статьи. Поэтому здесь рассмотрен один из её аспектов – «образно-канонический». Один, но не «лишь один». Взгляд на образы, как на участников дискурса, только по видимости оставляет «реальность» за пределами внимания. Дискурс понимается нами именно как самовыражение социокультурной реальности, и, в то же время, как сила, способная эту реальность переделать и переделывающая её. Жизнь аборигенки в 30-е гг. конечно сильно изменилась, и эти изменения лишь отчасти совпадали с советскими планами (и

это надо исследовать), но общим их знаменателем, как и декларировал официоз, было наступление на традиционный уклад и культуру, «вживание» элементов русского, советского, современного в сознание и быт женщин. «Новые» песни северянок 30-х гг. содержат следы такого вживания. Это и комплиментарное удивление новшествами («Белоснежный большой пароход») и гордость своим вновь достигнутым общественным положением *начальника* (депутатки). При этом налицо не просто упоминание новых реалий, а «освоение» их традиционной культурой: белый пароход – лебедь, а его колёса – крылья, которыми он бьёт по воде [25, 6–7; 43, 219–220]; депутатство сопрягается с возможностью ехать на оленей упряжке в любое время [39, 131].

Сомневаясь по поводу тезиса М. Тлостановой о расистской сущности советской национальной и гендерной политики (для этого надо найти не только черты расизации, но доказать их определяющее, доминирующее положение в официозе; нельзя также отождествлять официоз с оценками «среднего советского обывателя»), нельзя не согласиться с уважаемым автором в другом. М. Тлостанова убедительно показала, что эта политика: а) коррелировала с некоторыми мировыми тенденциями, б) в известной мере была продолжением прежней имперской политики, в) ей были свойственны как тёмная, так и светлая сторона, г) её «советскость» постоянно соскальзывала в «русскость» [63, 223, 236–253]. При всех достоинствах этой политики в её «светлой части», её вероятной целью было превращение женщины аборигенки из «суррогатного пролетариата» в настоящий, в сознательных и послушных строителей нового общества с максимально стёртыми гендерными (добавим: и национальными [7, 69] - *авт.*) отличиями» [63, 233].

Список источников и литературы

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: ЗАО «Редакционно-издательский комплекс Русанова», 1998. 408 с.
2. Брандт Г. А. Советское «освобождение» женщины в гендерной перспективе // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 6. № 4. С. 106–108.
3. Войченко В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2009. № 1 (9). С. 64–70.
4. Волдина Т. В. Долгой жизни вековечный танец. Реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Ч. 1. Тюмень: ООО Формат, 2016. 206 с.
5. Головнёв А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

6. Градскова Ю. В. «Раскрепощение националки» – социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 45–58.
7. Дашибалова И. Н. Бурят-Монгольская Олимпия: иконография пеше-лыжного перехода «Улан-Удэ – Москва» 1936-1937 годов (по визуальным материалам региональных СМИ) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 1. С. 59–78.
8. Дашиева А. Д. Образ советской женщины накануне Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 14–17.
9. Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/10.htm (дата обращения: 24 апреля 2018).
10. Дашкова Т. Любовь и эротика в сталинских комедиях. URL: <https://arzamas.academy/materials/967> (дата обращения: 20 мая 2018).
11. Дашкова Т. Телесность – Идеология – Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.
12. Дмитриева Т. Н. 'Дом' в хантыйской лексике и топонимии // Человек и Север: антропология, археология, экология. Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 26-30 марта 2012 г. Вып. 2. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера, 2012. С. 237–240.
13. Днепровская А. А. Представления о семье и браке в первое послевоенное десятилетие (по материалам специальных женских изданий «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина») // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 36–40.
14. Ерныхова О. Д. Советский хантыйский песенный фольклор как форма пропаганды советского образа жизни // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры. Вып. 3. Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2015. С. 121–128.
15. Каменева В. А. Лингвокогнитивное моделирование публицистического дискурса (на материалах советской прессы). Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. 148 с.
16. Кино-Театр.Ру // URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/> (дата обращения: 10 мая 2018).
17. Кирипова Л. В. Ненецкая женщина в разных временных измерениях // Материалы науч. конф. «История и современность народов Ямала». Салехард: [б. и.], 1995. С. 28–31.
18. Конституция СССР 1936 г. 122 статья // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 4 июня 2018).
19. Куклин И. В. Лирика советской субъективности: 1930–1941 // Филологический класс. 2014. № 1 (35). С. 7–19.
20. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 136 с.
21. Куляпин А. И. Одна: советская женщина в литературе и культуре тридцатых годов // Филология и человек. 2011. № 4. С. 158–164.
22. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. 2-е изд. Томск-Екатеринбург: ООО «Баско», 2008. 120 с.
23. Лар Л. А., Вануйто В. Ю. Религиозные традиции ненцев в XVIII – начале XX вв. Тюмень-Салехард: Изд.-полиграф. Центр «Экспресс», 2011. 212 с.
24. Макаров В. В., Василенко И. В. Философия и социология пола. Волгоград: Изд-во гос. техн. Ун-та, 2002. 188 с.
25. Мансийские (Вогульские) песни. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. 56 с.
26. Мезенцева Е. Б. Становление визуального канона женственности в советском плакате 20-50-х годов // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой межд. научн. конф. В 3-х томах. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 115-118.
27. Митина Н. Г. Марксистский гендерный проект // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2007. № 1. С. 114–126.
28. Митрофанова А. Гендерная революция 1917 года // Новое литературное обозрение. 2018. № 1 (149). С. 548–563.
29. Молданова Т. А. Духовное освоение мира женщиной в традиционной культуре хантов // Культурное наследие Тюменской области: материалы научн.-практ. конф. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007. Ч. I. С. 110–119.
30. Морозова Е. А. Женщина, общество, политика в советской культуре. (По материалам женских журналов 1930-х годов) // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. Т. 180. С. 420–426.

31. Морозова Е. А. Семантика женской сексуальной привлекательности в советской культуре 30-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117. С. 341–345.
32. Омская правда. 1935. 8 марта.
33. Омская правда. 1936. 8 марта.
34. Омская правда. 1937. 8 марта.
35. Омская правда. 1939. 8 марта.
36. Омская правда. 1940. 8 марта.
37. Остяко-Вогульская правда. 1937. 4 апреля.
38. Остяко-Вогульская правда. 1937. 9 апреля.
39. Перевалова Е. В. «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917-1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 125–133.
40. Перевалова Е. В. Остяко-Вогульские мятежи 1930-х гг.: были и мифы // Уральский исторический вестник. 2016. Т. 9. Вып. 1. С. 131–146.
41. Перевалова Е. В. Угро-самодийские мифы советского времени // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште. Будапешт: Russica Pannonicana, 2012. Т. 2. С. 129–151.
42. Перевалова Е. В. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85-97.
43. Попова С. А. Мансийские личные песни: «судьба» в один век // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ч. 2. Филологические исследования. Воронеж: ООО Макс-Принт, 2015. С. 216–223.
44. Попова С. А. Нормативно-поведенческий комплекс мансийской женщины // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы науч.-практ. конф. XV Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Тюмень: ООО «Формат», 2017. С. 161–172.
45. Попова С. А. Основные периоды жизненного пути мансийской женщины // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 125–134.
46. Попова С. А. Половозрастная терминология в представлениях и фольклоре северных манси // Сибирский сборник 2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 179–190.
47. Поющая женщина из Эхт Югана / сост. Е. Д. Каксина. Тюмень: ООО «Формат», 2014. 128 с.
48. Правда. 1936. 8 марта.
49. Правда. 1939. 8 марта.
50. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: «Северный дом». Северо-Сибирское региональное книжное изд-во, 1993. 206 с.
51. Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификации // Аналитика культурологии. 2008. № 11. URL: cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-raznovidnosti-sovremennyh-teoriy-politicheskogo-diskursa-opyt-klassifikatsiy (дата обращения: 5 июня 2018).
52. Рыбцова Л. Л. Феномен советской женщины, или особенности гендерной системы советского периода // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2006. № 2 (57). С. 156–159.
53. Сказки, песни хантов Полноватского Приобья / сост.: Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск, Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 344 с.
54. Сочилова В. Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 93–102.
55. Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера [авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой]. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
56. Смагина С. С. Образ «новой женщины» в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере фильмов «Земля в плену» и «Женщина») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83) С. 169–173.
57. Сорокина С. А. Специфика гендерного разделения труда в традиционной культуре народов Севера // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой межд. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. В 3-х томах. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 18–21.
58. Сподина В. И. Аксиосфера мужского и женского в традиционной культуре обских угров и самодийцев // Вестник угроведения. 2011. № 3 (6). С. 62–68.
59. Сподина В. И. Гендерные аспекты взаимоотношений со временем (на материалах обских угров и самодийцев) // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: материалы Десятой межд. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. В 3-х томах. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 1. С. 21–24.

60. Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев (по материалам традиционной культуры и языка). Ханты-Мансийск: ООО «Типография «Печатное дело», 2010. 144 с.
61. Сподина В. И. Половозрастной символизм в традиционной культуре лесных ненцев // Исследования по культуре ненцев: сб. ст. СПб.: Историческая иллюстрация, 2014. С. 231–238.
62. Сподина В. И. Человек в традиционной картине мира (на материалах обских угров и самодийцев). Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 350 с.
63. Тлостанова М. В. Деколониальные гендерные эпистемологии. М.: ООО «ИПЦ Маска». 2009. 386 с.
64. Усманова З. М. Гендерные аспекты преобразований и публичная сфера культуры в советский период истории Таджикистана // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (40). С. 277–292.
65. Gradszkova Yulia. Emancipation at the Crossroads Between the ‘Woman Question’ and the ‘National Question’ // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union / Editor Melanie Ilic. 2018. URL: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (дата обращения: 20 мая 2018).
66. Kelly C. Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. New York: OXFORD University Press, 2001. 438 p.
67. Klots Alissa. The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941 // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union / Editor Melanie Ilic. 2018. URL: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (дата обращения: 20 мая 2018).
68. Lapidus Gail W. Women in Soviet Society. Equality, development, and social change / Gail W. Lapidus. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978. 381 p.
69. Narjana Дэрм. Красный Север. 1937. 6 февраля.
70. The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union / Editor Melanie Ilic. 2018. URL: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (дата обращения: 24 апреля 2018).
71. Waterlow Jonatan Babushka, Harlot, Helper, Joker: Women and Gender in 1930s Political Humour // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union / editors: Ilic, Melanie. Palgrave Macmillan UK, 2018. URL: <https://www.springer.com/us/book/9781137549044> (дата обращения: 20 мая 2018).

References

1. Ayvazova S. G. *Russkie zhenshhiny v labirinte ravnopraviya* [Russian women in the labyrinth of equality]. Moscow: ЗАО «Redaktsionno-izdatel'skij kompleks Rusanova» Publ., 1998. 408 p. (In Russian)
2. Brandt G. A. *Sovetskoe «osvobozhdenie» zhenshhiny v gendernoj perspektive* [The Soviet «liberation» of women in the gender perspective]. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Success of modern science and education], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 106–108. (In Russian)
3. Voychenko V. M. *Otazhenie gendernykh stereotipov v yazyke i kul'ture* [Reflection of gender stereotypes in language and culture]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser 2. Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd state University. Series 2. Linguistics], 2009, no. 1 (9), pp. 64–70. (In Russian)
4. Voldina T. V. *Dolgoj zhizni vekovechnyj tanets. Reinkarnatsiya v kontekste miforitual'nykh traditsij obskikh ugrov. Ch. 1* [Everlasting dance of a long life. Reincarnation in the context of mytho-ritual traditions of the Ob Ugrians. P. 1]. Tyumen: ООО Format Publ., 2016. 206 p. (In Russian)
5. Golovnyov A. V. *Govoryashhie kul'tury. Traditsii samodijsev i ugrov* [Talking cultures. Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995. 607 p. (In Russian)
6. Gradszkova Yu. V. «*Raskreposhhenie natsional'ki*» – *sotsial'no-kul'turnaya politika sovetskoj vlasti v otnoshenii zhenshhin ehnikeskikh men'shinstv (na primere Volgo-Ural'skogo regiona v 1920–e gody)* [«The emancipation of the national women» – the social and cultural policy of the Soviet power in relation to women of ethnic minorities (on the example of the Volga-Ural region in the 1920s)]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The journal of social policy studies], 2011, vol. 9, no. 1, pp. 45–49. (In Russian)
7. Dashibalova I. N. *Buryat-Mongol'skaya Olimpiya: ikonografiya peshe-lyzhnogo perekhoda «Ulan-Udeh – Moskva» 1936–1937 godov (po vizual'nym materialam regional'nykh SMI)* [Buryat-Mongolian Olympia: iconography of the hiking-skiing pass «Ulan-Udeh – Moscow» of 1936–1937s (based on visual materials of regional media)]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The journal of social policy studies], 2011, vol. 9, no. 1, pp. 59–78. (In Russian)

8. Dashieva A. D. *Obraz sovetskoj zhenshhiny nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny* [An image of a Soviet woman on the eve of the Great Patriotic War]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2010, no. 7, pp. 14–17. (In Russian)
9. Dashkova T. *Vizual'naya reprezentatsiya zhenskogo tela v sovetskoj massovoj kul'ture 30-kh godov* [Visual representation of the female body in the Soviet mass culture of the 30s]. Available at: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/10.htm (accessed April 24, 2018) (In Russian)
10. Dashkova T. *Lyubov' i ehrotika v stalinskikh komediyakh* [Love and eroticism in Stalin's comedies]. Available at: <https://arzamas.academy/materials/967> (accessed May 20, 2018) (In Russian)
11. Dashkova T. *Telesnost' – Ideologiya – Kinematograf. Vizual'nyj kanon i sovetskaya povsednevnost'* [Physicality – Ideology – Cinema. Visual canon and Soviet everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 256 p. (In Russian)
12. Dmitrieva T. N. *'Dom' v khantyjskoj leksike i toponimii* ['House' in Khanty vocabulary and toponymy]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arheologiya, ehkologiya. Materialy Vseros. konf., g. Tyumen', 26–30 marta 2012 g.* [A man and the North: anthropology, archaeology, ecology. Materials of the all-Russian conference, Tyumen, March 26–30, 2012. Iss. 2]. Ed. by A. N. Bogashyova. Tyumen: Izd-vo In-ta problem osvoeniya Severa Publ., 2012. pp. 237–240. (In Russian)
13. Dneprovskaya A. A. *Predstavleniya o sem'e i brake v pervoe poslevoennoe desyatiletie (po materialam spetsial'nykh zhenskikh izdanij «Rabotnitsa», «Krest'yanka», «Sovetskaya zhenshhina»)* [Representations about family and marriage in the first post-war decade (based on special women's publications «Worker», «Peasant woman», «Soviet woman»)]. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk scientific Bulletin], 2012, no. 2 (106), pp. 36–40. (In Russian)
14. Ernykhova O. D. *Sovetskij khantyjskij pesennyj fol'klor kak forma propagandy sovetskogo obraza zhizni* [Soviet Khanty song folklore as a form of propaganda of the Soviet way of life]. *Kul'turnye i filologicheskie aspekty genezisa i transformatsii istoricheskikh obshhnostej korennykh narodov Yugry. Vyp. 3* [Cultural and philological aspects of genesis and transformation of historical communities of indigenous peoples of Yugra. Iss. 3]. Tyumen: OOO «Siti-press» Publ., 2015. pp. 121–128. (In Russian)
15. Kameneva V. A. *Lingvokognitivnoye modelirovaniye publitsisticheskogo diskursa (na materialakh sovetskoy pressy)* [Lingvocognitive modeling of publicist discourse (on the materials of the Soviet press)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta Publ., 2009. 148 p. (In Russian)
16. *Kino-Teatr.Ru*. Available at: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/> (accessed May 10, 2018). (In Russian)
17. Kiripova L. V. *Nenetskaya zhenshhina v raznykh vremennykh izmereniyakh* [A Nenets woman in different time dimensions]. *Materialy nauch. konf. «Istoriya i sovremennost' narodov Yamala»* [Materials of the scientific conference «History and modernity of the Yamal people»]. Salekhard: [w/p], 1995. pp. 28–31. (In Russian)
18. *Konstitutsiya SSSR 1936 g. 122 stat'ya* [The Constitution of the USSR 1936, article 122]. (In Russian)
19. Kuklin I. V. *Lirika sovetskoj sub'ektivnosti: 1930–1941* [Lyrics of Soviet subjectivity: 1930–1941]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2014, no. 1 (35), pp. 7–19. (In Russian)
20. Kulemzin V. M. *Znakom'tes': khanty* [Meet: the Khanty]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992. 136. (In Russian)
21. Kulyapin A. I. *Odna: sovetskaya zhenshhina v literature i kul'ture tridsatykh godov* [One: a Soviet woman in literature and culture of the thirties]. *Filologiya i chelovek* [Philology and a man], 2011. no. 4, pp. 158–164. (In Russian)
22. Lapina M. A. *Ehtika i ehtiket khantov* [Ethics and etiquette of the Khanty]. Tomsk; Ekaterinburg: OOO «Basko» Publ., 2nd ed., 2008. 120 p. (In Russian)
23. Lar L. A., Vanuyto V. Yu. *Religioznye traditsii nentsev v XVIII – nachale XX vv. V. YU.* [Religious traditions of the Nenets in the XVIII – early XX centuries]. Tyumen; Salekhard: Izd.-poligraf. Tsentr «Ehkspress» Publ., 2011. 212 p. (In Russian)
24. Makarov V. V., Vasilenko I. V. *Filosofiya i sotsiologiya pola* [Philosophy and sociology of a sex]. Volgograd: Izd-vo gos. tekhn. Un-ta Publ., 2002. 188 p. (In Russian)
25. *Mansijskie (Vogul'skie) pesni* [Mansi (Vogul) songs]. Khanty-Mansiysk: GUIPP «Poligrafist» Publ., 1998. 56 p. (In Mansi, Russian)
26. Mezentseva E. B. *Stanovlenie vizual'nogo kanona zhenstvennosti v sovetskom plakate 20–50-kh godov* [Formation of the visual canon of femininity in the Soviet poster of the 20–50s]. *Sila slabyx: gendernye aspekty vzaimopomoshhi i liderstva v proshlom i nastoyashhem: materialy Desyatoy mezhd. nauchn. konf. V 3-kh T. T. 3*

[The strength of the weak: the gender aspects of mutual help and leadership in the past and present: proceedings of the Tenth international scientific conference. In 3 volumes. Vol.3]. Ed. by N. L. Pushkareva, T. I. Troshina. Arkhangel'sk: IEHA RAN Publ., 2017. pp. 115–118. (In Russian)

27. Mitina N. G. *Marksistskij gendernyj proekt* [Marxist gender project]. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [News of the Far Eastern Federal University. Economics & Management], 2007, no. 1, pp. 114–126. (In Russian)

28. Mitrofanova A. *Gendernaya revolyutsiya 1917 goda* [The gender revolution of 1917]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2018, no. 1 (149), pp. 548–563. (In Russian)

29. Moldanova T. A. *Dukhovnoe osvoenie mira zhenshhin v traditsionnoj kul'ture khantov* [Spiritual development of the world by a woman in the traditional culture of the Khanty]. *Kul'turnoe nasledie Tyumenskoy oblasti: materialy nauchn.-prakt. konf.* [Cultural heritage of the Tyumen Oblast: materials of scientific and practical conference]. Tyumen: RITS TGAKI Publ., 2007. P. I, pp. 110–119. (In Russian)

30. Morozova E. A. *Zhenshhina, obshchestvo, politika v sovetskoj kul'ture*. (Po materialam zhenskikh zhurnalov 1930-kh godov) [Woman, society, politics in Soviet culture. (Based on the materials of women's magazines of the 1930s)]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg state Institute of culture], 2008, vol. 180, pp. 420–426. (In Russian)

31. Morozova E. A. *Semantika zhenskoy seksual'noj privlekatel'nosti v sovetskoj kul'ture 30-kh godov* [Semantics of female sexual attractiveness in Soviet culture of the 1930s]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Science], 2009, no. 117, pp. 341–345. (In Russian)

32. *Omskaya pravda* [Omsk truth]. March 8, 1935. (In Russian)

33. *Omskaya pravda* [Omsk truth]. March 8, 1936. (In Russian)

34. *Omskaya pravda* [Omsk truth]. March 8, 1937. (In Russian)

35. *Omskaya pravda* [Omsk truth]. March 8, 1939. (In Russian)

36. *Omskaya pravda* [Omsk truth]. March 8, 1940. (In Russian)

37. *Ostyako-Vogul'skaya pravda* [Ostyako-Vogulsky truth]. April 4, 1937. (In Russian)

38. *Ostyako-Vogul'skaya pravda* [Ostyako-Vogulsky truth]. April 9, 1937. (In Russian)

39. Perevalova E. V. «Krasnaya» kolonizatsiya Obskogo Severa: revolyutsionnye preobrazovaniya i ehntnichnost' (1917–1930-e gg.) [«Red» colonization of the Ob North: revolutionary transformations and ethnicity (1917–1930-ies)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin], 2009, no. 2 (23), pp. 125–133. (In Russian)

40. Perevalova E. V. *Ostyako-Vogul'skie myatezhi 1930-kh gg.: byli i mify* [Ostyako-Vogulsky revolts of the 1930s: there were myths]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin], 2016, vol. 9, no. 1, pp. 131–146. (In Russian)

41. Perevalova E. V. *Ugro-samodijskie mify sovetskogo vremeni* [Ugro-Samoyedic myths of the Soviet era]. *Istoricheskaya uralistika i rusistika na Urale i v Budapeshte* [Historical uralistics and Russian studies in the Urals and Budapest]. Budapest: Russica Pannonicana Publ., 2012, vol. 2, pp. 129–151. (In Russian)

42. Perevalova E. V. *Ehrotika v kul'ture khantov* [Erotica in Khanty culture]. *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa: sb. nauch. trudov* [Model in cultural studies of Siberia and the North: collection of scientific works]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1992. pp. 85–97. (In Russian)

43. Popova S. A. *Mansijskie lichnye pesni: «sud'ba» v odin vek* [Mansi personal songs: «fate» in one century]. *Problemy i perspektivy sotsial'no-ehkonomicheskogo i ehntnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa. Ch. 2. Filologicheskie issledovaniya* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous minorities of the North. Part 2. Philological studies]. Voronezh: OOO Maks-Print Publ., 2015. pp. 216–223. (In Russian)

44. Popova S. A. *Normativno-povedencheskij kompleks mansijskoj zhenshhiny* [Normative and behavioral complex of a Mansi woman]. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy nauch.-prakt. konf. XV Yugorskie chteniya* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the of scientific-practical conference XV Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk: OOO «Format» Publ., 2017. pp. 161–172. (In Russian)

45. Popova S. A. *Osnovnye periody zhiznennogo puti mansijskoj zhenshhiny* [The main periods of the life of a Mansi woman]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], no. 1 (24), 2016, pp. 125–134. (In Russian)

46. Popova S. A. *Polovozrastnaya terminologiya v predstavleniyakh i fol'klore severnykh mansi* [Age and sex terminology in the representations and folklore of the Northern Mansi]. *Sibirskij sbornik 2. K yubileyu Evgenii Alekseevny Alekseenko* [Siberian collection 2. To the anniversary of Evgenia Alekseevna Alekseenko]. Saint-Petersburg: MAEH RAN Publ., 2010. pp. 179–190. (In Russian)

47. *Poyushhaya zhenshhina iz Ekhht Yugana* [The singing woman from Ekht Yugan]. Comp. by E. D. Kaksina. Tyumen: OOO «Format» Publ., 2014. 128 p. (In Khanty, Russian)
48. *Pravda* [Truth]. March 8, 1936. (In Russian)
49. *Pravda* [Truth]. March 8, 1939. (In Russian)
50. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi (Voguls) and their spiritual culture (according to folklore and rites)]. Surgut: «Severnyj dom». Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izd-vo Publ., 1993. 206 p. (In Russian)
51. Rusakova O. F. *Osnovnye raznovidnosti sovremennykh teorij politicheskogo diskursa: opyt klassifikatsii* [The main varieties of modern theories of political discourse: the experience of classification]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 2008, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-raznovidnosti-sovremennykh-teoriy-politicheskogo-diskursa-opyt-klassifikatsiy> (accessed June 5, 2018). (In Russian)
52. Rybtsova L. L. *Fenomen sovetskoj zhenshhiny, ili osobennosti gendernoj sistemy sovetskogo perioda* [Phenomenon of a Soviet women, or features of the gender system of the Soviet period]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta* [Bulletin of South Ural State University], 2006, no. 2 (57), pp. 156–159. (In Russian)
53. *Skazki, pesni khantov Polnovatskogo Priob'ya* [Tales, songs of the Khanty of Polnovat Ob]. Comp. by Pyatnikova T. R., Slepenskova R. K. Khanty-Mansiysk; Izhevsk: OOO «Print-2» Publ., 2016. 344 p. (In Khanty, Russian)
54. Skochilova V. G. *Simvolicheskie struktury politicheskoy ideologii v tsennostnom izmerenii* [Symbolic structures of political ideology in the value dimension]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2012, no. 3 (19), pp. 93–102. (In Russian)
55. Slyozkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [The Arctic mirrors: Russia and indigenous people of the North]. Transl. from English by O. Leontyeva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
56. Smagina S. S. *Obraz «novoj zhenshhiny» v sovetskom kinematografe 1930-kh gg. (na primere fil'mov «Zemlya v plenu» i «Zhenshhina»)* [An image of a «new woman» in Soviet cinema of the 1930s (by the example of the films «The Land in Captivity» and «The Woman»)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice], 2017, no. 9 (83), pp. 169–173. (In Russian)
57. Sorokina S. A. *Spetsifika gendernogo razdeleniya truda v traditsionnoj kul'ture narodov Severa* [The specificity of the gender division of labor in traditional culture of peoples of the North]. *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshhi i liderstva v proshlom i nastoyashhem: materialy Desyatoj mezhd. nauch. konf. RAIZHI i IEHA RAN. V 3-kh T. T. 1.* [The strength of the weak: the gender dimensions of mutual aid and leadership in the past and present: materials of the Tenth international scientific conference of the Russian Association of researchers of women's history and the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the RAS. In 3 volumes. Vol. 1]. Moscow: IEHA RAN Publ., 2017. pp. 18–21. (In Russian)
58. Spodina V. I. *Aksiosfera muzhskogo i zhenskogo v traditsionnoj kul'ture obskikh ugrov i samodijtsev* [Axiosphere of male and female in traditional culture of the Ob Ugrians and Samoyeds]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2011, no. 3 (6), pp. 62–68. (In Russian)
59. Spodina V. I. *Gendernye aspekty vzaimootnoshenij so vremenem (na materialakh obskikh ugrov i samodijtsev)* [Gender aspects of the relationship over time (on the materials of the Ob Ugrians and Samoyeds)]. *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshhi i liderstva v proshlom i nastoyashhem: materialy Desyatoj mezhd. nauch. konf. RAIZHI i IEHA RAN. V 3-kh T. T. 1* [The strength of the weak: the gender dimensions of mutual aid and leadership in the past and present: materials of the Tenth international scientific conference of the Russian Association of researchers of women's history and the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the RAS. In 3 volumes. Vol. 1]. Moscow: IEHA RAN Publ., 2017. pp. 21–24. (In Russian)
60. Spodina V. I. *Nomenklatura rodstva kak universal'nyj sotsiokul'turnyj fenomen obskikh ugrov i samodijtsev (po materialam traditsionnoj kul'tury i yazyka)* [Nomenclature of kinship as a universal socio-cultural phenomenon of the Ob Ugrians and Samoyeds (based on traditional culture and language)]. Khanty-Mansiysk: OOO «Tipografiya «pechatnoe delo» Publ., 2010. 144 p. (In Russian)
61. Spodina V. I. *Polovozrastnoj simvolizm v traditsionnoj kul'ture lesnykh nentsev* [Sex and age symbolism in traditional culture of the forest Nenets]. *Issledovaniya po kul'ture nentsev: sb. st.* [Research on the culture of the Nenets: collection of articles]. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2014. pp. 231–238. (In Russian)

62. Spodina V. I. *Chelovek v traditsionnoj kartine mira (na materialakh obskikh ugrov i samodijtsev)* [A man in traditional picture of the world (on the materials of the Ob Ugrians and Samoyeds)]. Khanty-Mansiysk: ООО «Pechatnyj mir g. Khanty-Mansijsk» Publ., 2017. 350 p. (In Russian)
63. Tlostanova M. V. *Dekolonial'nye gendernye ehpistemologii* [Decolonization gender epistemologies]. Moscow: ООО «ИPTS Maska» Publ., 2009. 386 p. (In Russian)
64. Usmanova Z. M. *Gendernye aspekty preobrazovanij i publichnaya sfera kul'tury v sovetskij period istorii Tadžikistana* [Gender aspects of transformations and a public sphere of culture in the Soviet period of history of, Tajikistan]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Khujand State University named after the academician B. Gafurov. Humanities], 2014, no. 3 (40), pp. 277–292. (In Russian)
65. Gradskova Yulia. *Emancipation at the Crossroads Between the 'Woman Question' and the 'National Question'*. The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. Editor Melanie Ilic. 2018. Available at: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (accessed May 20, 2018). (In English)
66. Kelly C. *Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin*. New York: OXFORD University Press, 2001. 438 p. (In English)
67. Klots Alissa. *The Kitchen Maid as Revolutionary Symbol: Paid Domestic Labour and the Emancipation of Soviet Women, 1917–1941*. The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. Editor Melanie Ilic. 2018. Available at: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (accessed May 20, 2018). (In English)
68. Lapidus Gail W. *Women in Soviet Society. Equality, development, and social change*. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978. 381 p. (In English)
69. *Narjana Dærm. Krasnyj Sever* [Narjana Dærm. Red North]. February 6, 1937. (In Russian, Nenets)
70. *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*. Editor Melanie Ilic. 2018. Available at: <https://www.twirpx.com/file/2394857/> (accessed April 24, 2018). (In English)
71. Waterlow Jonatan Babushka, Harlot, Helper, Joker: *Women and Gender in 1930s Political Humour*. The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union. Editors: Ilic, Melanie. Palgrave Macmillan UK, 2018. Available at: <https://www.springer.com/us/book/9781137549044> (accessed May 20, 2018). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Киселев Александр Георгиевич, главный научный сотрудник БУ ХМАО–Югры «Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А), доктор исторических наук.

kiselev1954@mail.ru

ORCID 0000-0003-4677-5250

Молданова Надежда Анатольевна, научный сотрудник БУ ХМАО–Югры «Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А).

nmoldanova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1469-706X

ABOUT THE AUTHOR:

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID 0000-0003-4677-5250

Moldanova Nadezhda Anatolyevna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A).

nmoldanova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-1469-706X